

В.С. Таланкин

**Святоотеческое воззрение на
смерть: Опыт
систематизации религиозно-
философского учения св.
Григория Нисского о смерти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
В11

В11 **В.С. Таланкин**
Святоотеческое воззрение на смерть: Опыт систематизации религиозно-философского учения св. Григория Нисского о смерти / В.С. Таланкин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 56 с.

ISBN 978-5-518-07083-7

Вера и разум, 1908, 10, с. 488-507; 11, с. 631-652; 13, с. 81-92.

ISBN 978-5-518-07083-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

разнообразныхъ *отправленій, противодѣйствующихъ смерти индивидуума, или совокупность отправленій, поддерживающихъ существованіе индивидуума въ смыслѣ бытія для себя самаго* (Ding ansich).

Поэтому, процессъ жизни въ его простѣйшемъ и всеобщемъ выраженіи есть послѣдовательный рядъ разнообразныхъ измѣненій, выражающихъ и обезпечивающихъ собою возможность существованія индивидуума. Всякое измѣненіе въ состояніяхъ и положеніяхъ индивидуума сознается имъ, какъ пріятное или непріятное, сообразно съ тѣмъ, способствуетъ-ли оно поддержанію жизни или содѣйствуетъ ея разрушенію. Поэтому *вся практическая задача мысли въ отношеніи непрерывно возникающихъ измѣненій* заключается лишь въ томъ, чтобы безошибочно опредѣлить ихъ возможное вліяніе на состояніе индивидуума и, съ точки зрѣнія этого вліянія, *заранье опредѣлить ихъ возможную цѣнность для жизни* индивидуума. Такая предварительная оцѣнка явленій *естественно требуется* прямымъ *интересомъ жизни*, потому что въ силу этой оцѣнки субъектъ получаетъ возможность *ориентироваться* въ данныхъ *условіяхъ жизни*, т. е. установить такія отношенія къ *средѣ*, въ которой онъ существуетъ, что-бы они *обезпечивали* ему возможность *существованія* и *устраняли* отъ него возможность гибели, смерти—¹⁾. Если перевести эту философскую формулировку воззрѣнія на назначеніе смерти въ процессѣ *жизни* *человѣческой* на языкъ Григорія Нисскаго, то она получится въ слѣдующемъ видѣ. „Все человѣческое стараніе имѣетъ въ виду то, что-бы продлить намъ время жизни. *Забота-же о жизни* происходитъ отъ *страха смерти*.—

Поэтому у насъ и дома придуманы для жительства, чтобы тѣла въ окружающемъ ихъ воздухѣ не страдали отъ холода или жара. И земледѣліе что иное, какъ не заготовленіе потребнаго для жизни? Что такое врачебное искусство? Отчего оно почтено у людей? Не отъ того-ли, что средствами своими, повидимому, борется нѣсколько со смертью? И брони и щиты, и шлемы, и оборонительныя оружія.. и подобное тому,—по-

¹⁾ „Наука о человѣкѣ“ т. I. В. Несмѣлова.—изд. 2-е Казань. 98 г. 128—129 стр.

чему иному дѣлается все это, какъ *не постраху смерти?*... По самой природѣ мы страшимся смерти" ¹⁾). И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, если посмотрѣть на жизнь человѣческую въ полномъ объемѣ, то страшное зрѣлище представить она.—Мы увидимъ, что этой жизнью управляетъ какой то страшный привракъ; имя которому „смерть“. Ежесекундно этотъ привракъ вырываетъ изъ среды живыхъ людей все новыя и новыя жертвы, не разбирая ни старцевъ, ни невинныхъ и невкусившихъ еще сладостей и горестей жизни младенцевъ, не отличая счастливыхъ отъ неудачниковъ земныхъ. Въ усиленномъ бѣгствѣ отъ этого страшнаго приврака люди для огражденія себя отъ разрушительнаго дѣйствія страшной смерти создаютъ всевозможныя и разнообразныя формы и средства жизни, охраняющія ихъ земное благополучіе, создаютъ культуру, цивилизацію, науку, виды промышленности и т. п. Это бѣгство человѣчества отъ страшнаго приврака, эта борьба за существованіе въ цѣляхъ самосохраненія воздаютъ среди людей новый привракъ, къ которому направляются, *положительнымъ* образомъ, всѣ дѣйствія людей. Этотъ новый привракъ служитъ дальнѣйшимъ мотивомъ поступковъ и дѣяній всего человѣчества и вообще и каждого человѣка въ частности. Имя этому новому привраку—„благо“ или „счастье“. Привракъ счастья прельщаетъ людей забвеніемъ земного горя, страданій, тоски и заботъ, обольщаетъ людей миражемъ славы, извѣстности, авторитета, дружбы, любви; жаруетъ великихъ людей прекрасной мечтой о будущемъ величій человѣка; наконецъ, люди въ своемъ страстномъ желаніи одного счастья доходятъ до того, что ждутъ его и послѣ смерти, вѣрятъ, что этоже счастье ожидаетъ ихъ за гробомъ: надѣются *на будущую безконечно-блаженную жизнь* послѣ смерти. Такимъ образомъ, неутомляемый въ погонѣ за счастьемъ человѣкъ переноситъ и за гробъ тѣ же условія своего существованія на землѣ, которыя необходимо вызываютъ въ немъ эту страстную погоню за благомъ, за счастьемъ. Человѣкъ хочетъ продолжить это счастье тамъ,

¹⁾ Т. IV. стр. 202—203.

душѣ и воскресеніи“. Сравн. т. VII ст. 521.

гдѣ оно особеннаго смысла, какъ цѣли бытія и жизни, не будетъ имѣть по той простой причинѣ, что счастье нужно и является цѣлью жизни и дѣйствій людей только въ земномъ существованіи человѣка, а внѣ его условій оно не имѣетъ этого смысла, такъ какъ погоня за счастьемъ, какъ мы уже сказали, появилась среди людей въ силу признанія ими рокового закона борьбы за существованіе. Такимъ образомъ чаша смерти, переполненная страхомъ и огорченіями, растворена возбужденіями всей энергіи нашей жизни, желаніемъ сохранить, развить и укрѣпить остатокъ жизненной силы послѣ какой-то случайной потери нами безсмертія.

Стоить только поглубже вдуматься въ жизнь, въ ея формы и проявленія, чтобы понять то, чѣмъ живутъ и питаются эти формы, что ихъ создаетъ и вызываетъ въ жизни людей: какъ это—ни странно—одна смерть. Прекрасной иллюстраціей для этого могутъ служить слѣдующія слова Св. Григорія Нисскаго: „*Природа постоянно заботится о смерти, и съ жизнью, текущею впередъ во времени, непременно соединяетъ смерть... необходимое слѣдствіе... жизни... смерть... Мы, по слову Великаго Павла, „по вся дни“ умираемъ (1 Кор. 15, 31)... (смерть) служатъ предметомъ постоянной заботы и упражненія для плотской жизни*“¹⁾. Правда въ жизни человѣческой есть цѣлая область *свободной мысли*, гдѣ человѣкъ видимому можетъ отрѣшиться отъ всего связывающаго его въ жизни, отъ всего рабскаго, подневольнаго, отъ всѣхъ цѣней земной юдоли. Не свободенъ ли онъ отъ страха смерти въ этой области мысли? Нѣтъ, и въ области мысли человѣка царитъ тотъ-же страхъ, и бѣгство людей отъ смерти сказывается здѣсь еще ярче.

Если мысль человѣческая только и можетъ оперировать надъ тѣмъ матеріаломъ, который даетъ ей жизнь, то становится тогда совершенно понятнымъ, что и въ области человѣческой мысли смерть имѣетъ неотразимое значеніе и силу. Уже со временъ глубокой древности человѣкъ старается найти

¹⁾ Том VII; стр. 514—515. Изъ слова „къ скорбящимъ о представившихся отъ настоящей жизни къ вѣчной“. Слово „предметъ“ нужно понимать въ смыслѣ „побужденіе“.

себѣ удовлетворительный отвѣтъ о тайнѣ смерти, хочетъ *познать* ее, изучаетъ свою природу, думаетъ о смыслѣ своей жизни и, такимъ образомъ, создаетъ философію и религію, изъ которыхъ въ первой человѣкъ пытается опредѣлить истину подлинной своей природы, а во второй стремится къ жизни по мысли объ истинной природѣ своей, хотя бы эта истина казалась такой только въ его воображеніи, только одному извѣстному человѣку или народу. Такимъ образомъ, какъ въ общественной жизни человѣческой всѣми движеніями ея направляетъ смерть, такъ и въ области мысли человѣкъ издавна сознательно или безсознательно трудится надъ рѣшеніемъ вѣчной проблемы о смерти.. Человѣкъ не можетъ уйти отъ рѣшенія этой проблемы. И нѣтъ сомнѣнія, что именно въ этомъ сказывается его высшее призваніе, его возвышеніе надъ міромъ животнымъ. Иначе, что такое была бы жизнь человѣка безъ этого условія? Инстинктивнымъ продолженіемъ жизни животныхъ, работою для поддержанія животной жизни обменомъ веществъ, рабствомъ желудку. Прекрасно поэтому говорить Св. Григорій Нисскій: „Скажи мнѣ, что хорошаго видишь въ (чувственной) жизни? Разсуди, въ чемъ проявляется (эта) жизнь?.. Наша плоть *производитъ зловоніе*, обращая въ *тлѣніе* все, что не приметъ въ себя. Какое *наказаніе* можетъ быть тяжелѣе того, какъ все время быть въ *подчиненіи* вѣдѣніямъ *чрева*! Посмотрите на этого неотступнаго собирателя дани, (говорю о чревѣ)—съ какою взыскательностью онъ ежедневно требуетъ своего? Мы совершаемъ кругъ жизни подобно рабочимъ животнымъ на мельницѣ, у которыхъ закрыты глаза; всегда отходимъ отъ одного мѣста и приходимъ къ тому-же,— я говорю о періодически возвращающихся явленіяхъ жизни: о позывѣ къ пищѣ, насыщеніи, снѣ, бодрствованіи, наполненіи, очищеніи; непрестанно отъ одного переходимъ къ другому, отъ того—къ этому, и опять тоже, и никогда не перестанемъ вращаться въ этомъ кругу, доколѣ *не выйдемъ* изъ этой *мельницы*“¹⁾. А вотъ тотъ вопль печали, который невольно вырвался изъ души этого Святого Отца, много думавшаго о жизни и смерти, вопль скорби и горя при созерцаніи зрѣ-

¹⁾ „Надгробное слово Плакиль“ часть VIII, стр. 418—419.

лица смерти, когда „въ первомъ возрастѣ красота *разрушена смертью*, блескъ юныхъ глазъ закрытъ вѣками, румянецъ ланитъ превратился въ блѣдность, молчаніемъ скованы уста, почернѣлъ цвѣтъ на губахъ“¹⁾: „кто можетъ безъ слезъ смотрѣть на это *страданіе*? Кто не будетъ оплакивать *утрату жизни*? Кто не прослезился при видѣ *бѣдствія*? Видѣлъ я зрѣлище, достовѣрности котораго не довѣрилъ-бы тотъ, кто узналъ бы объ этомъ необыкновенномъ явленіи лишь по слуху. Я видѣлъ море людей, во множествѣ собравшихся, какъ бы какая вода, и все, что можно было окинуть взоромъ, было наполнено людьми, какъ будто бы вселенная стеклась по поводу этого бѣдствія. А зрѣлищемъ былъ *цѣптокъ*, несомый на золотомъ одрѣ. Какъ уныли были лица всѣхъ смотрящихъ! Какъ глаза наполнены слезами! Къ тому же стѣнами сердечной муки... Не замѣчалъ я въ то время ни блеска камней, ни золотыхъ тканей, ни сіянія серебра, ни свѣта—*все* потемнѣло отъ *печали*, все принимало участіе въ *общей* скорби... Въ то время однѣ слезы доставляли людямъ удовольствіе“²⁾. Но не отрадише для сердца человѣческаго смерть и тогда, когда человекъ умираетъ, доживъ до того возраста, что у него—„*блѣднѣе* глаза, *сморщенные* щеки, *выпаденіе* зубовъ, *разслабленіе* въ языкѣ, *трясеніе* въ рукахъ, *склоненіе* къ землѣ, *потребность* опираться на водящихъ, *неразуміе* въ мысли, *обмолвка* въ рѣчи, и прочіе недуги, которые необходимо сопровождаютъ этотъ возрастъ“³⁾. Все равно—печалень виль смерти и такого человекъ, потому что „*настоящее* (указанное) несчастіе гораздо *достойнѣе* плача, чѣмъ какое-либо другое печальное событіе. Если даже представить себѣ всѣ великія *общественныя бѣдствія*, землетрясенія, войны, наводненія, провалы земли, то и это все мало, если сличить съ *настоящимъ*. *Почему?* Настоящее *бѣдствіе* есть *горе всей вселенной*“⁴⁾... Такъ болѣла душа великаго Отца, при сознаніи бѣдственнаго, неотразимаго дѣйствія смерти на людей...

1) Ibid. 396 стр.

2) „Надгробное слово Плавилѣ“ т. VIII, стр. 394—395.

3) Ibid, 397 стр.

4) „Надгробное слово Плавилѣ“, стр. 409—410.

Гдѣ же надобно искать успокоенія при мысли о смерти, гдѣ надобно искать отвѣта на эту, проблему?

II.

Важность и серьезность проблемы смерти въ области мысли человѣческой. Безсильныя попытки человѣчества рѣшить эту проблему.

Со временъ глубокой древности мысль человѣческая трудится надъ рѣшеніемъ нѣсколькихъ великихъ вопросовъ человѣческой жизни, въ ряду которыхъ проблема смерти является основнымъ вопросомъ. Въ цѣляхъ рѣшенія этого вопроса возникали и ставились всѣ остальные проблемы жизни и познанія. Всѣ эти вопросы волнуютъ человѣческую мысль собственно своею неразрѣшимостью и загадочностью, а главное жизненностью, значеніемъ ихъ для самой жизни. Человѣчество для рѣшенія этихъ вопросовъ *предлагало* въ лицѣ лучшихъ представителей своей мысли—философовъ, религиозныхъ законодателей и реформаторовъ, нравственныхъ и умственныхъ руководителей—множество всевозможныхъ и религиозныхъ, и философскихъ доктринъ. По временамъ казалось, что оно находило удовлетвореніе въ этихъ доктринахъ и располагало по нимъ свою жизнь, потому что масса людей рѣдко могла да и не хотѣла отнестись критически къ тому ученію, которое она всасывала съ молокомъ матери. Но всетаки по временамъ среди этой массы находились такіе мыслители, которые сомнѣвались въ томъ, что ихъ праотцы и отцы считали непреложной правдой, и, давъ просторъ своей критической мысли, ниспровергали всѣ традиціонныя доктрины. И вопросы, такимъ образомъ, снова появлялись на аренѣ человѣческой мысли, требуя такого или иного рѣшенія, и казалось, что будтобы человѣчество даже никогда и не бралось за ихъ рѣшеніе. Между тѣмъ рѣшеніе этихъ вопросовъ было существенно необходимо, потому что это вопросы не празднаго любопытства, даже не научной любознательности въ цѣляхъ обезпеченія и лучшаго устройства земной жизни нашей, наконецъ, не вопросы даже какого-нибудь чистаго познанія, ради самаго познанія, т. е. изъ-за удовольствія познанія,—нѣтъ, всѣ эти вопросы соеди-

нены съ мыслию о Богѣ, о будущей жизни, о смыслѣ жизни, о природѣ и назначеніи человѣка и т. п., словомъ,—вопросы въ цѣляхъ познанія *истины о человеческомъ бытіи и назначеніи*. Конечно, всѣ они могли возникать въ мысли человѣческой лишь въ силу мучительнаго незнанія человѣка о себѣ, что такое онъ, зоологическій-ли просто экземпляръ въ разнообразной фаунѣ земли, или существо исключительное по своей природѣ. Наблюдая же надъ самимъ собой, изучая себя и свою жизнь, человѣкъ приходилъ къ двумъ совершенно противоположнымъ выводамъ о своей природѣ: одни мыслители не видѣли въ человѣкѣ ничего больше животнаго, другія находили, что человѣкъ—существо совершенно исключительное въ механической жизни природы. Послѣдніе приходили къ утвержденію, что человѣкъ сверхъприродное существо на основаніи *непосредственнаго сознанія* и на основаніи изученія той дѣйствительной исключительности человѣка, въ силу которой онъ является среди механической природы сознательнымъ и активнымъ. Эту исключительность человѣка видѣли люди въ могуществѣ его разумной и сознательной жизни и мысли, видѣли въ творящей воли и высокомъ чувствѣ, въ отличіи человѣка отъ животныхъ моральностью и религіозностью, въ способности къ вѣчному развитію по активности своего духа, дающей ему возможность облагораживать свою жизнь и создавать ея разнообразныя формы.—Между тѣмъ, другіе люди, хотя и имѣли на глазахъ эти факты челоуѣческой жизни и духа, однако никакъ не соглашались признать ихъ предпосылками для утвержденія исключительности человѣка въ мірѣ; они приводили другіе факты жизни человѣка, которые по ихъ мнѣнію говорили о томъ, что человѣкъ ничтожество, что онъ ни болѣе, ни менѣе какъ *червь* и *прахъ*—земной, и *участь* его не отличается отъ участи какого-нибудь животнаго или растенія: все равно, что бы онъ не думалъ о себѣ, о какомъ бы своемъ величій онъ не мечталъ, фактъ *смерти разрушилъ* въ немъ всякую попытку думать о какомъ-бы то ни было *величій*. И гасли, такимъ образомъ, всѣ великія мечты его о своемъ величій, о родствѣ съ Богомъ, объ особенномъ смыслѣ жизни, о безсмертіи, о его универсальности въ мірѣ; смѣшнымъ каза-

лось и наивнымъ представленіе людей о землѣ, какъ о центрѣ вселенной, невѣроятной вѣра въ Существо, создавшее весь міръ для человѣка. А вмѣстѣ съ тѣмъ всякую мысль, всякое высокое стремленіе къ добру, къ истинѣ, всякій порывъ выбраться изъ этого хаоса и мрака незнанія—подавляла страшная дѣйствительность человѣческой смерти, требовавшая отъ человѣка только одного—самосохраненія въ виду постоянно-грозящей необходимой гибели, разрушенія, уничтоженія.

И вотъ мы присутствуемъ при зарожденіи новаго направленія человѣческой мысли, которое носить названіе скептицизма. Скептики думаютъ, можетъ быть смерть и на самомъ дѣлѣ вовсе не представляетъ ничего особеннаго? Можетъ быть она сама по себѣ очень понятна, и ничего загадочнаго въ ней нѣтъ. Она, во-первыхъ, очень *естественна*, а, во-вторыхъ, съ физической стороны такъ и совершенно неизбѣжна, какъ всеобщій природный фактъ. На самомъ-же дѣлѣ это соображеніе объ естественности и неизбѣжности смерти, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ дѣломъ, подвергается еще болѣе сильному сомнѣнію. Вѣдь, это соображеніе возникаетъ въ человѣкѣ изъ фактическаго познанія, что *такъ бываетъ*, что такъ течетъ жизнь природы, между тѣмъ какъ мысль и сознаніе человѣка могутъ съ полнымъ правомъ утверждать положеніе, что *такъ не должно быть*, что все возникшее и живое, достигшее полноты своего развитія для жизни, должно жить вѣчно. Съ этимъ соглашается и безпристрастный естествоиспытатель. Такъ почему же вслѣдъ за появленіемъ, возрастаніемъ, укрѣпленіемъ и плнотой жизни обязательно происходитъ кризисъ, дающій направленіе процессу жизни въ обратную сторону? Остановиться на одномъ фактѣ смерти, на томъ, что такъ бываетъ по законамъ природы, значить—на требованіе *объясненія* факта указывать на самый фактъ, т. е. совершать кругъ въ доказательствѣ, въ объясненіи, ничего не объясняя. Скептикъ не можетъ успокоивать себя тою мыслию, что, можетъ быть, смерть и не требуетъ того, что-бы ее объясняли, указывали какую-нибудь ея естественную или метафизическую причину, опредѣляли ея „сущность“, происхожденіе и цѣль. Можетъ быть, смерть требуетъ только того, что-бы человѣкъ

волей-неволей помирился съ ней и жилъ-бы, будто и не зная совершенно о ея существованіи. Но такого запрета или самоограниченія не можетъ вынести здравомыслящій человѣкъ. Жить *для-чго-то, почему-то, зачѣм-то*, жить и думать, что вотъ-вотъ твою неразумную жизнь можетъ прервать непонятная смерть—это значитъ переживать цѣлый рядъ мученій въ душѣ, цѣлый хаосъ непримиримыхъ противорѣчій и безсмыслицъ своего сознанія, жизни, мысли и природы. И страннымъ должно казаться тогда неискоренимое *желаніе* человѣка *жить вѣчно*, если оно не имѣетъ глубокаго основанія въ самой природѣ человѣческаго духа. Почему-то сознаніе человѣка категорически говоритъ, что смерти быть не должно, что она или сама по себѣ не естественна, или есть слѣдствіе какой то ненормальности въ самомъ бытіи человѣка.

Въ области скептической мысли человѣческая жажда вѣчнаго сознательнаго бытія выводится или изъ эгоистическаго желанія человѣка вѣчно наслаждаться жизнью или изъ природы сознанія человѣческаго, которое въ своей сущности выражаетъ только чистое, абсолютное, вѣчное бытіе, свободное отъ условій пространства и времени, вѣчное „я есмь“.—При чемъ, разумѣется, при построеніи доктринъ на этихъ основахъ, скептики какъ перваго, такъ и втораго рода считались съ ненормальностью человѣческой жизни, но первые понимали эту ненормальность въ смыслѣ присутствія страданій и отсутствія сплошнаго счастья, а вторые считали ненормальностью всю жизнь человѣка на землѣ, включая сюда и жажду счастья, слѣдовательно, они выходили изъ стремленія человѣка къ жизни *истинной* по подлинной природѣ человѣческаго свободнаго духа и видѣли въ страданіяхъ уклоненіе, несоотвѣтствіе личной жизни природѣ человѣка.—Мыслители первой категоріи разсматривали смерть, какъ коренное зло жизни, какъ величайшее несчаствіе человѣка, но такъ какъ оно *физически* неизбежно, то, покоряясь и проклиная его, люди были обязаны по ихъ доктринамъ жить и наслаждаться жизнью съ непрерывнымъ сознаніемъ, что за спиной стоитъ смерть, готовая сейчасъ прервать ихъ жизненный пиръ. Если смерть-зло, а жизнь-благо-счастье, жизнь же человѣческая подчинена всемогущей

иллюзіи счастья, то значить, во имя этой иллюзіи, во имя удовольствій и наслажденій жизни человѣкъ долженъ отвергнуть очень многое изъ своей жизни, выбросить, какъ негодный и лишній балластъ, все, что вырастаетъ въ человѣкѣ на почвѣ его сознанія о себѣ, какъ о свободной и разумной личности; долженъ стать въ противорѣчіе со стремленіемъ къ истинѣ, къ добру, къ тому, что разумно и высоконравственно. И жизнь человѣческая должна явиться случайнымъ калейдоскопомъ силъ и законовъ природы, а самъ человѣкъ со своимъ разумомъ и съ сознаніемъ свободы—страннымъ проявленіемъ хаотическаго бытія.

Въ противоположность этому возрѣнію на смерть, другое ученіе о смыслѣ смерти, выходя изъ возможнаго изученія природы человѣка и наличной жизни, приходило къ тому выводу, что если земная жизнь людей течетъ ненормально, такъ какъ человѣкъ не осуществляетъ въ ней того, что онъ долженъ былъ бы осуществлять по своей природѣ, такъ что земная жизнь человѣка является не вполне нормальной жизнью, а лишь приближающейся къ нормѣ,—то, слѣдовательно, смерть съ этой точки зрѣнія является уже, какъ благо, какъ разумный конецъ несовершеннаго существованія.—Но и при такомъ взглядѣ на значеніе смерти, не смотря на отсутствіе логическихъ и онтологическихъ противорѣчій, человѣческая мысль всетаки не можетъ понять одного: есть-ли смерть совершенное уничтоженіе человѣка, такъ какъ о томъ, что духъ человѣка безсмертенъ, человѣкъ какъ бы то ни было не можетъ знать, не смотря ни на какіе діалектическіе приемы своей мысли, въ родѣ того, напримѣръ, что душа проста, слѣдовательно, она безсмертна; потому что посылка о простотѣ души, единствѣ духа, личности и пр. не ведетъ еще къ логическому заключенію о безсмертіи духа. Понятіе *простоты*, какъ предпосылки къ безсмертію духа, есть ничто иное, какъ *отрицательное* понятіе по отношенію къ физическому бытію, и въ приложеніи къ бытію чисто духовному оно не имѣетъ рѣшающаго значенія.—Кромѣ того, что неизвѣстно, смертенъ или безсмертенъ духъ человѣка, мы никоимъ образомъ, путемъ рациональнаго познанія не можемъ убѣдиться въ положительномъ суще-